

Алена Жукова

Уроки музыки

Софийка

Сказка-быль

Жила-была девочка Софийка в Украине. Ходила в старшую группу детского сада, пела песенки и хотела играть на пианино. Папа и мама купили ей пианино и отвели в музыкальную школу. Хотя ей было всего пять лет, в школу ее взяли, услышав, как чистенько она поет. Школу вскоре разбомбили, и квартиру с пианино тоже. Софийка вместе с мамой бежала в Канаду. Пришла на урок только что. Глаза большущие, синие, но смотрит в пол. Петь не хочет. Стали сочинять музыкальную сказку, как это делаю с малышами:

– Вот тут в басах Мишка живет, наверху – Птички, в среднем регистре Мама... А где же Софийка?

Она ударяет ладошкой по басам со всей силы: «Тут!».

– Софийка, почему?

– Так выбух був. Чуешь? Софийка побігла з дому, медведик та птахи тоже побігли. А пианино залишилось. Загинуло, – и слезы... У меня тоже.

Прошла неделя, и Софийка опять пришла на урок. Глаза уже не в пол, но и до песен еще далеко. Произошло самое чудесное – Софийке подарили пианино. Представьте себе! Мы просто чуть-чуть помогли: дали клич, что очень нужно пианино, и – о счастье! – им привезли добрые люди. Старенькое, но хорошо звучит, а хорошо звучащие инструменты старенькими не бывают. Софийка готова рассказывать о своем друге Пине (пиани-

но) часами. Начала сочинять свои сказки на нем. Исполнила мне сказку про то, что скоро закончится война (в высоких регистрах прыгают нотки), и они с мамой и Пином вернутся домой (глицсандо), а там их встретит папа (в басах незамысловатая мелодия из нескольких нот), а потом Софийка пойдет в школу (ее пальчики переступают по клавишам – получается гамма).

Тут вмешиваюсь я, чтобы не упустить момент и превратить игру в урок. Я перехожу на пение восходящей гаммы, Софийка повторяет за мной. У нее удивительный тембр – совсем не детский. Надеюсь, что на следующем уроке Софийка мне споет.

Продолжение этой сказки совсем не веселое, но я верю в хэппи-энд. Софийка петь отказывается – думаю, это протест, а может, потому, что у мамы Наташи глаза на мокром месте. Ее муж и Софийкин папа сейчас на херсонском направлении. Пообещал звонить, когда сможет, но уже неделю молчит. Мы молимся. Наташа нашла работу в цветочном магазине. Вчера принесла мне косичку из васильков и колосков. Они вместе с Софийкой ее плели, и Наташа слышала, что дочка тихонечко запела их любимую – «Я піду в далекі гори...». Софийка ходит в школу и говорит, что ей нравится, только там непонятно говорят и ее не понимают, но не все – есть мальчик и девочка с Украины. Мы продолжаем сочинять музыкальные сказки. У каждого зверя своя мелодия. Софийка быстро запоминает и пытается повторить, но тема «выбуха» в басах не отпускает. Она все время пытается ударить там со всей силы, но теперь смеется...

Ей уже не страшно. Страшно мне...

Не так давно мы решили с Софийкой подготовить папе сюрприз – записать песенку в ее исполнении и послать ему на передовую. Ради этого Софийка была готова запеть, да хоть сплясать... Я предложила выучить что-нибудь к приближающемуся Кристмасу. Мы сели с ней рядышком, я открыла сборник рождественских песенок и начала играть и петь все подряд. Ничего из веселого вроде Jingle Bells или Snowman не понравилось Софийке. Она выбрала I'll be Home for Christmas, когда узнала, о чем эта песня. Размечталась, что папа вернется к Рождеству. Мы начали разучивать английские слова, а мелодию Софийка запомнила мгновенно...

Наступил декабрь, а Софийка исчезла, на занятия не приходила. Их домашний телефон не отвечал. Вчера мне позвонила незнакомая женщина – подруга Софийкиной мамы. Они тут в Канаде сдружились. Выяснилось, что Софийка сейчас у нее живет. Наташа, мама Софийки, уехала неделю назад в Украину – муж в госпитале с тяжелым ранением, а позавчера Наташа позвонила и сказала, что Алексей скончался. Она похоронит его и вернется. Просила пока Софийке не говорить. Софийка знает, что папа заболел, – и все... На занятия уже Наташа будет водить... Я попросила Софийку к телефону. Ее голосок был тихим и слабым. Она все чувствовала, хоть и не знала наверняка. На вопрос, разучивает ли она песню к Рождеству, ответила, что будет петь только тогда, когда папа приедет.

Я положила трубку и долго плакала. Вспомнила, что песня I'll be Home for Christmas была написана Bing Crosby в 1943 году. Она о мечте солдата вернуться домой, даже если только во снах:

I'll be home for Christmas
If only in my dreams.

Софийка не будет петь эту песню. А будет ли вообще петь, когда узнает правду, – неизвестно. С наступающим Рождеством, обезумевший мир!

Кавалерийская песня

Разучивала сегодня с учеником опус Дмитрия Кабалевского «Кавалерийская песня». Ученик был англоязычный мальчишка десяти лет от роду. Совсем никаких знаний по поводу какой-то красной конницы в какой-то Октябрьской революции он, конечно, не имел. Объяснила, как могла, что в давние времена (а уж для него точно – прошлый век сродни веку динозавров) в армии были конные отряды: отсюда в музыке стаккато цокота копыт, а поверх – бодрая песня лихих наездников. Неожиданно для себя почувствовала, что музыка эта раздражает. Ясно перед глазами встала картинка: залитое кровью зеленое поле, а по нему

несется кровавая конница... Я вдруг вспомнила, с каким удовольствием пела в детском хоре «Полюшко, поле», как выразительно тянула: «Едут Красной армии герои...» – и читала стихи, выкрикивая, как учили, про смерть врагам... В каком же устойчивом идеологическом мифе мы жили! И ведь не задумывались, что все эти «красные дьяволята» и «неуловимые мстители» – бандиты и преступники, убивавшие направо и налево людей только за то, что те не разделяли их взгляды. Все происходящее сегодня – оттуда. Мой канадский ученик, прощаясь, сказал, что очень любит лошадей, и ему очень нравится эта пьеса, но он не понимает, почему люди заставляли лошадей воевать: разве им было их не жалко? Я промолчала... Он еще не знает, как людям не жалко убивать людей...

Щедрик

Моя ученица, темнокожая пятнадцатилетняя красавица Нэнси, попросила разучить с ней «Щедрик» – хочет сыграть на Рождество. Восемь лет назад привел ее ко мне проповедник адвентистской церкви, который брал у меня уроки теории музыки. Любопытная история тогда случилась. Его звали Дэйв, он поселился по соседству и однажды, проходя мимо нашего дома, услышал, как я терзаю шопеновский этюд. Постучался, попросился в ученики. Я не сразу поняла, что передо мной уже далеко не молодой человек: веселые глаза-угольки, черный ежик волос, белозубая улыбка... Дэйв недурно играл и хорошо читал с листа. Поселился он у своего кузена на нашей улице. Кузен был известным спортивным журналистом, а родом они все были с Бермуд. Меня несколько удивило, как они умудрились поместиться в небольшом доме – мама, папа, восемь детей, да еще и родственника притащили... Дэйв мне казался не шибко преуспевшим по жизни человеком, даже не хотелось брать деньги за уроки.

К тому времени мой класс благодаря Дэйву уже изрядно пополнился новыми учениками – многочисленной бермудской родней. Однажды я была приглашена вместе с мамой на службу

в их храме. Отказывать не хотелось – был какой-то праздник. Из разговоров с Дэйвом узнала, что адвентисты седьмого дня празднуют субботу, а половина детей журналиста – приемные из неблагополучных семей. Таких многодетных семей много – традиция. В тот день мы с мамой были единственные белые в церкви, я бы даже сказала – бледнолицые, которые совершенно неправильно одеты: платочки вместо изысканных шляпок, болтающиеся ниже колена юбки вместо элегантных костюмов... На нас оглядывались, но приветливо улыбались. Церковь была ультрасовременной – с арочным стеклянным потолком, через который лился солнечный свет. Служба началась. На сцену вышел мой Дэйв, зал загудел. О том, что он такая значимая фигура в их церкви, даже не подозревала. Он попросил всех встать и поприветствовать его учительницу музыки. Зал встал, взоры обратились на нас, нам аплодировали.

А потом было самое классное – много музыки и песен, даже танцев: «Бог наверху, Бог внизу, Бог перед тобой и за тобой...». Моя старенькая мама была в восторге. Она – вечная коммунистка, не представляла, что так весело можно молиться, пританцовывая, и это ее примиряло с Богом, а вот наше «раб Божий, покайся» все никак в нее не лезло.

Там же, в церкви, я поняла, что Дэйв не только проповедник, но и храм этот построен им. Богатейший человек – застройщик береговой линии Бермуд. Он предлагал нам переехать на Бермуды. Принес как-то портфолио с домами, которые строит, и сказал: «Выбирай любой, будешь в нашей церкви играть и детей учить...». Я не решилась, да и мой муж был не в восторге от такого предложения. А перед отъездом на родину Дэйв принес мне книгу песнопений, в которой была мелодия из всем знакомого гимна – той части, где «славься, отечество...». Я обалдела... Как же это? Украли? Кто у кого? История замалчивает. А «Щедрик» давно стал традиционной рождественской песней в Америке, Carol of the Bells, и даже забылись ее корни, но сегодня все вспомнили – это украинская колядка. И вот думаю: а вдруг моя Нэнси, сыграв «Щедрик» в их церкви, подтолкнет к созданию нового псалма во славу мира и перемоги? Пусть бы так. И да услышит их Бог!

Ящик елочных игрушек

Прошло столько лет, а Шура – теперь Александра Николаевна, баба Шура, помнила, как девочкой забиралась на антресоли и в пыльной темноте среди перевязанных пачек макулатуры и пакетов со стратегическими запасами хозяйственного мыла разыскивала ящик елочных игрушек. Шура была худенькой и вертлявой, как обезьянка, бывало, и в форточку залезала, когда теряла ключи, вот и на антресолях запросто помещалась. Она подтягивала ящик с игрушками к самому краю, а оттуда его осторожно снимал папа и ставил на стол перед елкой. С перемещения ящика в комнату начинался обратный отсчет для уходящего года.

Шуре разрешалось распаковывать завернутые в вату игрушки, проверять, на всех ли есть петельки, бережно подкладывать новые взамен разбитых. Но всякий раз ее огорчало, что игрушки были одинаковые, за редким исключением. А хотелось, чтобы ни одна из них не повторяла другую, чтобы не было двух кукуруз разного цвета, спутников и ракет, отличавшихся только размером, похожих друг на друга птичек, мишек, рыбок... В ящике лежала одна особенная игрушка, которую бабушка собственноручно заворачивала сначала в вату, потом в газету, а потом укладывала в жестяную коробочку от печенья. Зачем она это делает, Шурка не понимала – игрушка была уродливой куколкой величиной с большой палец с нарисованными крылышками на грязно-белом ватном тельце. Бабушка всегда требовала, чтобы эту куклу вешали наверху – на самом видном месте, под пятиконечной звездой. Шурка считала, что этот уродец портит всю елку, и просила маму и папу перевесить в другое место. Мама ласково целовала Шурку в лоб и шептала:

– Это самая дорогая елочная игрушка. Когда наша бабуля была маленькой, ей пришлось расстаться с родителями навсегда. В канун 1937 года они положили ей в кармашек эту куколку. Вырастешь – поймешь, о чем я говорю...

– А это мальчик или девочка? И зачем крылья? Это же не самолет! – удивлялась Шурка.

– Это ангел.

– Кто такой ангел?

– Это теперь наша бабушка. Хоть ее уже нет с нами, она смотрит на нас сверху и хочет видеть свою игрушку на старом месте.

Однажды Шурка тайком от родителей стала на табурет, дотянулась до ангела и сняла его с веточки. Повесила ближе к полу, чтобы не бросался в глаза. Никто этого не заметил, кроме кошки Кати.

Новый год встречали весело и шумно. Пришли гости с хлопушками и бенгальскими огнями. Над головой летали конфетти, змеился кольцами серпантин, а тихонько под елочкой сидела довольная кошка. Она стянула ангела с ветки и откусила ему голову.

С этого все и началось. Шура теперь точно знает, что именно тогда. Родителям ничего не сказала. Они решили, что ангел случайно упал, а кошка тут как тут... Его уже трудно было спасти. Катя постаралась – от него остались рожки да ножки.

На следующий Новый год елки у них не было. Маме было не до праздника: папа не вернулся из рейса в Антарктику, где они били китов. Его смыло волной. Спасти не удалось. Через несколько лет мама под Новый год объявила, что опять выходит замуж. А встречать они будут Новый год вместе с дядей Мишей. Новый папа Шурке не понравился: он был лысый и пузатый. Рассказывал анекдоты и сам же над ними громко смеялся. Шурку не обижал, но и не замечал. Он предложил их квартиру в старом доме с высокими потолками и его комнату в коммуналке поменять на новую жилплощадь в многоэтажке. Теперь для ящика елочных игрушек не было места на антресолях. Самих антресолей не было, а в Новый год на тумбочке у телевизора устанавливалось мохнатое искусственное недоразумение с микроскопическими игрушками. Шурка, сначала горевавшая по папе и по елке, привыкла. Боль улеглась, забылась. Нового года она по-прежнему ждала, но не как сказку. И о какой сказке можно мечтать в шестнадцать лет? Разве что о сказке про прекрасного принца.

Встреча с принцем произошла, конечно же, на новогодней вечеринке. Протанцевав с Шурой полночи, он полез к ней в трусы, и ей это не понравилось. Она оттолкнула «принца». Обозвав ее сучкой, он пошел искать свое счастье дальше, зажимая по углам Шуркиных подружек. С горя Шура приложилась к вину, потом шарахнула водки и побежала домой. Путь был неблизкий и лежал через пустырь и гаражи. Она пару раз навернулась, больно ударив коленку, а потом на нее кто-то навалился – показалось, что медведь. А дальше – темно-

та и полная потеря памяти. Очнулась, закоченевшая от холода, внутри пустого гаража. Колготок и трусов на ней не было. По ногам текла кровь, болел живот. Шура еле доползла до дому. Хорошо, что родители еще не вернулись от друзей, иначе поднялся бы крик, милиция, разбирательство... Она набрала полную ванну с мыльной пеной, похожей на сугробы снега, и погрузилась в них с головой. «С Новым годом, крошка!» – гудел в голове хриплый басок... Никаких других воспоминаний не было. Она тяжело вздохнула и по-настоящему свободно выдохнула только тогда, когда пошли месячные...

Дальше по жизни происходило так, что именно в новогоднюю ночь случались самые большие неприятности – например, собственный развод. То есть формально он произошел позже, но именно тогда, когда готовились к встрече гостей, а в манеже прыгала годовалая дочка, раздался звонок коллеги. Мужа в комнате не было. Можно было посудачить с коллегой по поводу вчерашней вечеринки. Накануне праздновали в редакции газеты, и новый главред пригласил Шуру на танец.

– Слушай, у него какие-то бабские ладошки – маленькие и цеплющие, – прошептала в трубку Шура. – Ты же видела, как он прижал меня и не отпускал, пока не выложил все планы по реорганизации отдела. Но, конечно, мужик умный и видный, что говорить... И не женат. Смерть нашим бабам. Я сама поплыла слегка, хотя так и сяк пыталась выскользнуть... Меня же Саша ждал с Асечкой, мы собрались погулять в парке перед сном.

– Ну так я тебе самое интересное расскажу, – перебила подруга. – Маринка-то наша, секретарша, заревовав, побежала на выход. Там твоего Сашку с Асечкой встретила. И знаешь, что сказала эта зараза? Чтобы он напрасно не ждал жену, что, мол, она не выйдет, пока с начальством не дотанцует, а может, и вообще не выйдет... Уборщица наша слышала, как та орала.

– Боже! – охнула Шура. – А я и не поняла, с чего Сашка взбесился и побежал от меня...

Шура услышала щелчок в трубке, и в комнате появился муж, а потом, как тогда у гаражей, – темнота, и она ничего не помнит... Удар по лицу был такой силы, что она потеряла сознание.

Ей предлагали заявить на него в милицию, но она решила просто развестись. Однажды изнасилованную пугало любое насилие.

А после развода пришлось самой устраивать праздники дочке – так и вернулась в дом большая елка вместе с ящиком елочных игрушек. Шура тогда собиралась воплотить свою мечту: ни одна игрушка не должна повторяться. Времена, правда, стояли нищие, но свободные. Шура открыла в себе талант художника и мастерила диковинные елочные игрушки. В дело шли обрывки кружева и шелка, перьев и толченого стекла. Вспомнив ангела, которого угробила, решила сделать похожего. Теперь всей стране стало известно, куда в тридцать седьмом увозили прабабушек и прадедушек. Сделать точно такого не получилось. Получился другой – гораздо наряднее. Он, наверное, и принес к следующему Рождеству нового мужа.

Григорий тоже недавно развелся с первой женой, детей у них не было, поэтому очень скоро они решились родить Асечке братика или сестричку. Карьера Шуры тогда пошла в гору: самые острые темы и репортажи доверяли именно ей. Она в первых рядах журналистов освещала аварию на Чернобыльской АС. Все было покрыто густой пеленой лжи. Шура неофициально поехала в Припять, чтобы взять интервью у ликвидаторов. После поездки почувствовала себя плохо. Вскоре выяснилось, что она на восьмой неделе беременности. 25 декабря у них родился мальчик с тяжелыми генетическими нарушениями. Новый год они встречали в больнице. Через три месяца сын умер. Больше у них с Григорием детей не было.

Ящик елочных игрушек теперь опять пылился без дела. Его отдали бабушке, да и Асечку тоже. У Шуры после перенесенного начались тяжелые депрессии, непонятно откуда взявшиеся галлюцинации и голоса. Она не могла растить ребенка, начала пить, перестала работать и следить за собой. С Григорием они развелись. Он не выдержал такой жизни, а Шура в сорок лет превратилась в старушку.

Ася жила у бабушки до окончания школы, а закончив ее, увлеклась модной профессией дизайнера. Ей нравилось конструировать красоту. Обнаружив старый ящик самодельных елочных игрушек, удивилась, узнав, что это маминых рук дело. Дождавшись очередного просветления и выхода Шуры из запоя, Ася села перед мамой, разложив елочные игрушки. Она попросила рассказать о каждой из них – что означают эти странные фигурки из тряпочек и ниток.

Шура сидела молча, поднося ближе к глазам одну за другой, как вдруг, вытащив куколку размером не больше пальца с блестящими крылышками, заплакала.

С этого дня жизнь Шуры изменилась. Она вместе с дочкой делала дизайнерские елочные игрушки на заказ. Они открыли кооператив. Особенно хорошо продавались ангелы. Шура больше не пила, галлюцинации и голоса уже не преследовали ее.

На Новый год и Рождество Шура наряжала красивую елку. Под ней появлялось все больше подарков – для совсем старенькой мамы, для дочки Аси, потом для Асечкиного мужа, потом для внучки Ириши, а теперь и для годовалого Петеньки.

Ящик елочных игрушек все пополнялся, но силы иссякали. Болела спина, кружилась голова. Шура было поверила, что теперь нечего бояться новогодних праздников, что ничего плохого не случится, и смело пошла к врачу. Результаты анализов пришли аккуратно к Новому году. Оказалось, что это онкология, и довольно запущенная.

Умирать не хотелось, но и праздновать тоже. Шура заставила себя всеми силами уцепиться за радость, хоть малую, хоть игрушечную. Вспомнила, как в детстве в летнюю жару забиралась на антресоли, чтобы устроить себе Новый год. Она старалась отогнать от себя тоску по детям, которые уехали в другую страну, где нет снега, но нет и войны. Зовут к себе. Она обещала приехать, но теперь вряд ли... А елку надо украсить.

Несколько дней подряд Шура мастерила ангелов. Их получилось больше сотни. С десяточек повесила на елку, а остальных решила раздать людям. Ангелы были похожи на белых голубей. Она протягивала их прохожим и поздравляла с наступающим, желая мира и добра. Бабу Шуру очень быстро арестовали за антивоенную акцию. Потом, правда, отпустили, содрвав штраф. Новый год опять не задался...

Канада

